

Елена Арсеньева

ВЕРШИНА ЯРОСТИ

Елена Арсеньева
Вершина ярости

«Елена Арсеньева»

2014

Арсеньева Е. А.

Вершина ярости / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева», 2014

ISBN 978-5-699-71406-3

Зойка Семенова и не заметила, как вляпалась в жуткую историю. Это она-то, всю жизнь считавшая, что «бояться – стыдно!». Сначала на их этаже появились новые жильцы – папа с сыном-подростком. Вроде бы вполне обычные, но какие-то бледные, словно блеклые. Затем Зойка подобрала на лестнице драгоценный медальон. Вещица принадлежала новому соседу – и девочка, конечно, вернула бы ее хозяину, если бы тот вдруг не исчез. Спустя несколько часов за Зойкой начали охоту непонятные существа, которых никто, кроме нее, не видит...

ISBN 978-5-699-71406-3

© Арсеньева Е. А., 2014

© Елена Арсеньева, 2014

Елена Арсеньева

Вершина ярости

...Иногда навестить Зойку является Зверопалый. По ночам топчется под окнами. Хоть Зойка живет на шестом этаже, она отчетливо слышит, как незванный гость царапает траву на газоне и как зверопальцы жадно урчат и чавкают, пожирая эту траву и мусор.

Наверное, дворник удивляется потом, кто и зачем повыврал траву. Может, даже сердится.

А может, и нет, потому что конфетные фантики, бумажки от жевательной резинки, фольга от чипсов, пластиковые пакеты, окурки, смятые сигаретные пачки исчезают, как будто именно это место кто-нибудь старательно вымел.

Само собой, Зойка не высовывается из окошка, чтобы дружески помахать Зверопалому. Она вообще окно закрывает. Неохота, чтобы с Чертополоха на верхней левой лапе снялась пчела и облобызала Зойку в обе щеки. Можно представить, какое потом станет личико после таких лобызаний!

Нет уж, лучше не надо новых встреч. Вполне хватило того, что было.

Впрочем, Зверопалый не в обиде, что Зойка не хочет с ним общаться. Он пришел, выразил свою горячую благодарность за то, что она однажды спасла ему, если так можно выразиться, жизнь, – и уходит, чтобы когда-нибудь прийти вновь.

Зойка не знает, каким образом он добирается *оттуда*, и знать не хочет. Просто надеется, что однажды он уйдет – и не вернется.

Нет, возвращается!

Но явления Зверопалого – это еще ничего.

Бывает хуже.

Например, иногда, выйдя на лестничную площадку, Зойка видит, что из потолка сочится красноватая жидкость, похожая на кровь. И капает на грязный пол с легким звоном-перезвоном, образуя небольшую аккуратную лужицу.

Ясное дело, Зойка не бежит за тряпкой, чтобы ее подтереть. И уборщице тоже не придется трудиться. Эта кровавая лужица очень скоро исчезнет сама собой, да и пока она есть, ее никто не способен разглядеть, кроме Зойки.

Таким образом ей напоминает о себе Кость. О себе, обо всех прочих *своих*. О битве, которая так и не закончилась победой, и не ясно, кончится ли вообще. Напоминает и о том, что сделала Зойка...

При виде лужицы она сначала плакала, а теперь только вздыхает, хмурится и спешит пройти мимо.

Зачем Кость старается? Ни к чему все его усилия. Зойка и так никогда его не забудет.

И все-таки *там* она не могла поступить иначе!

* * *

Однажды Зойкина мама сказала, что квартиру на их этаже – как раз напротив! – купили новые жильцы, вроде интеллигентные люди.

Зойка уже видела мельком новых соседей.

Может, они были и интеллигентные, только очень уж невзрачные. Какие-то тусклые. Что отец, что сын. И однообразные, как фонарные столбы. Среднего роста, светловолосые, светлоглазые. Глаза и волосы были не то серые, не то белесые, не то песочного цвета.

– Фамилия их Константиновы, – добавила мама. – Хозяина зовут Константин Константинович, мальчика – Костя. Он тоже, значит, Константин Константинович.

Зойка фыркнула.

– А их мать умерла, – строго добавила мама, и Зойка примолкла.

Мама как-то умудрялась все про соседей знать, хотя на лавочке у подъезда вместе со старушками не сидела. Может, потому, что ни старушек, ни лавочки там просто не было. И некогда маме было рассиживаться на лавочках – она работала!

Зойкина мама работала в страховой компании – в отделе расследований. Они там вечно докапывались, надо по страховке платить или не надо, в самом деле произошел несчастный случай или он нарочно подстроен, лишь бы деньги выцыганить. Наверное, привыкнув все про всех досконально узнавать по долгу службы, мама и про соседей как-то само собой все узнавала.

– Ого, у вас новый сосед! – с интересом сказала Юлечка, Зойкина одноклассница и соседка со второго этажа. – Познакомишь?

Ох, вечно эти Юлькины «познакомишь» да «познакомишь»! Конечно, она хорошенькая, и с ней охотно знакомятся мальчишки, но беда в том, что с ней вообще нельзя слова сказать! Она беспрестанно рассказывает всякие страшилки. Она помешана на страшилках! Любимые ее книжки – сборники всяких ужасных историй. Зойка начинает зевать примерно на пятой странице, а Юлечка обожает дрожать, трястись и бояться. А уж как ей нравится пугать других! Самое милое дело – позвонить кому-нибудь часов в десять (или в одиннадцать во время каникул, когда спать все ложатся попозже) и на сон грядущий прохрипеть что-то вроде:

Ночью за старой уборной,
Алюминиевой ложкой звеня,
Девочка в платье черном,
Чавкая, ела коня...

Продекламировав эту ахиною, Юлечка замирает в ожидании крика ужаса. Но Зойка очень сомневается, чтобы Юлечка этого крика хоть раз дождалась. Во-первых, старо как мир, во-вторых, подобной ерундой переполнен Интернет: на какой сайт со страшилками ни забредешь, обязательно наткнешься на эту «девочку в платье черном». Но самое главное – это ведь ужасно противно, заорать можно только от отвращения: заорать – и начать плевать.

Все это слушают – и молчат, а Юлечке кажется, что люди теряют голос от ужаса. Счастливая и довольная, она с загробным хохотом отключается.

Между прочим, одну девчонку из 6 «А» Юлька в самом деле запугала. Однажды та пришла в школу, а все лицо у нее – в маленьких красных волдырях и опухшее. Похоже на комариные укусы, но дело бы в январе – какие вообще комары? Юлечка немедленно сообщила, что у этой девчонки, наверное, завелась дома подушка-грызунья, которая по ночам оживает и начинает пробовать на вкус лицо своего хозяина или хозяйки. Сначала, как осторожный вампир, посасывает кровь... все думают – комары или клопы напали, а нетушки – это подушка-грызунья постаралась! Потом однажды проснешься утром – а у тебя кусок щеки съеден. Не слабо, да? И на подушку никто ведь не подумает. Обвинят во всем каких-нибудь крыс. Но самое интересное, что на подушке не останется ни следа крови. Рана на лице есть – а крови нет... Ну и напоследок, понятное дело, человек проснется с перегрызенным горлом.

В смысле, не проснется. А его перегрызенное горло будет обнаружено несчастными родственниками.

И снова никто не подумает, что виновата подушка... И так она будет загрызать новые и новые жертвы... У-у-у... А-а-а...

Жуть!

Ну, та девчонка из 6 «А», наслушавшись Юлечки, до того перепугалась, что побежала маме по мобильному телефону звонить и с криком-плачем умолять, чтобы немедленно выбро-

сила подушку. Мама тоже перепугалась – только не подушки, а что у доченьки крышняк поехал. И примчалась за ней в школу! Девчонка ей все рассказала – и чужая мама долго и громко высказывала Юлечке все, что о ней думает. Но Юлечке – как с гуся вода!

А потом оказалось, что у той девчонки просто-напросто аллергия на ананасы. Она была на дне рождения у какой-то родственницы и съела там слишком много ананасов.

Но самое смешное в этой истории то, что подушку она все же выбросила. Потихоньку от мамы взяла и отнесла в мусорный бак, да не в своем дворе, а квартала за три.

Чтоб подушка дорогу назад не нашла, наверное!

Это, конечно, был триумф Юлечки Комаровой в качестве пугала!

Но теперь ей все трудней находить благодарных слушателей. Все одноклассники и знакомые забили себе в мобильники ее номер и просто не отвечают, когда на дисплее высвечивается *Юлька Комарова* или просто *Пугало*.

Понятно, что сейчас Юлечка очень хочет познакомиться с новым человеком, чтобы испытать на нем свои коронные ужастики. Как вампирам нужна свежая кровь, так Юлечке нужны свежие слушатели. Но Зойка ее глупости поощрять не хочет. И не будет.

Вообще, бояться всякой ерунды стыдно! Можно, например, бояться третьей мировой войны, после которой запросто исчезнет жизнь на Земле. Или хулиганов на темной улице можно и даже нужно бояться. Или маньяков. Или тараканов, пауков, гусениц... Это страх реальный. А воображаемые страхи приходят и уходят. Главное – сказать им, что они не страшные.

Зойка терпеть не может бояться. А когда приходится – презирает себя и стыдит.

– Познакомишь? – снова спросила Юлечка.

– Было бы с кем знакомиться! – фыркнула Зойка. – Я его в упор не вижу.

Так вышло, что на соседа Зойка с первой же встречи ужасно разозлилась. Они на площадке нечаянно встретились. Мальчишка открывал свою дверь, а Зойка закрывала свою.

Он обернулся, посмотрел на Зойку – и просто остолбенел! И даже выронил ключ. А когда наклонился его поднять, из-под футболки выскользнул медальон на длинной цепочке и сверкнул, словно усыпанный бриллиантами.

Мальчишка его быстренько спрятал под футболку и выпрямился.

Снова взглянул на Зойку – и сразу отвел глаза, будто испугался.

Понятно. Влюбился! Ну что ж, обычное дело – в Зойку сплошь и рядом мальчишки с первого взгляда влюбляются. И сразу начинают воображать, выступать и всякую чушь молотить.

А этот молчал, как будто от любви язык проглотил.

Мужская робость Зойку никогда не вдохновляла, но все же ей льстила. И она решила нового влюбленного немножко поощрить.

– Какой у тебя медальончик классный, – сказала Зойка кокетливо. – Одуреть можно!

Тут он поднял свои бесцветные глаза и повторил:

– Одуреть можно? – Подумал немножко и изрек: – То есть ты теперь стала дурой?

Серьезно так изрек! Вдумчиво. Словно констатировал факт. Ну да, а что может еще сделать Константин Константинович Константинов, как не *констатировать*!

И он ушел. И Зойка осталась стоять, будто к полу приколоченная. И подумала: а если бы она сказала «офигеть можно», то что – фигой бы стала?!

Ох, как Зойка обиделась! И с тех пор старалась нового соседа не замечать и ни слова ему не сказала, кроме одного – «придурок!».

Хотя это было еще слишком мягко! Наверное, можно было бы найти даже что-нибудь покрепче и поярче для человека, который, входя вместе с тобой в лифт, носком кроссовки фактически вышибает тебе палец на ногу и даже не извиняется, а в ответ на твои возмущенные вопли только бормочет «А че я сделал?!» и глупо улыбается, когда ты начинаешь рыдать в три ручья.

Было ужасно, ужжасно больно! Вдобавок мизинец торчал из шлепки, как будто ему стало скучно рядом с остальными пальцами и он решил выглянуть наружу и посмотреть, что там, за пределами шлепанца, в мире делается. А заодно за пределами остальной Зоиной обуви. За пределами туфель, кед и кроссовок. И даже новых домашних тапочек.

Ни в одну туфлю, кед, кроссовку и новую (в старую, впрочем, тоже!) тапку он не входил. Не влезал. Не помещался. На него даже носок было невозможно натянуть!

После этого происшествия Зойка перемещалась по квартире полубосая, пристроив на палец полиэтиленовый пакет с замороженным фаршем для котлет, который примотала к ноге кухонным полотенцем. Это был какой-то ужас – как со стороны, так и по внутренним ощущениям.

Потом пришла с работы мама, фарш с ноги сняла, погоревала над синюшной оледенелой сарделькой, в которую превратился Зойкин палец, намазала его кремом «Спасатель», забинтовала, вызвала такси и повезла покалеченную дочку в травмпункт. Пришлось ехать далеко, аж на улицу Нартова, потому что в ближайшем травмпункте был ремонт.

Зойка уже так наплакалась, что почти ничего не видела из-под распухших век. Она хромала вслед за мамой по пустым коридорам травмпункта и слабо ныла, что не хочет, не хо-о-очет к врачу...

– Тебе еще повезло, – сказала мама, – что сейчас лето и здесь народу никого. Вот если бы это случилось зимой, тут вообще сесть было бы некуда. Знаешь, сколько народу с переломами и ушибами идет зимой в травмпункт!

Зойка могла бы возразить, что зимой она не бегала бы в шлепках, а значит, ей не вышибли бы палец, но сил на споры у нее уже не осталось. И она только подумала, что мама очень своеобразно понимает, что такое «повезло».

Оказалось, что не только мама такая своеобразная.

– Тебе еще повезло, – проорал огромный рыжий дядька-хирург, который осматривал Зойкин палец. – Это всего-навсего вывих. А мог быть и перелом! Запросто!

Дядька орал не потому, что ему так нравилось или просто некуда было девать свой голос. Он орал потому же, почему, например, орут на уроках учителя или дома родители. Чтобы детей переорать!

Врач пытался переорать Зойку. Потому что ей не слишком-то нравилось, как он своими огромными ручищами щупает ее ступню. И она это демонстрировала как могла. Всеми доступными ей средствами! Во всю мощь глотки и легких!

Вообще, по-честному, больно Зойке фактически не было. Но у хирурга оказались отвратительные руки, которые ее ужасно пугали: очень белые, незагорелые, покрытые веснушками, поросшие рыжими волосами. Рукава бледно-зеленой робы засучены, ногти не то обгрызены, не то до мяса подстрижены. И еще татуировка на руке, три тускло-красные буквы: *BES*.

Ишь ты, БЕС! Наверное, у него было жуткое прошлое, подумала Зойка. Наверное, в уголовном мире он прославился своей кошмарной жестокостью. И ему дали такой псевдоним... хотя нет, псевдонимы – это у писателей, а у преступников клички. Кликухи! Этому рыжему, с конопатыми руками, дали, значит, кликуху Бес.

А теперь он начал лечить людей...

Ага, лечить! Такими лапищами только искалечить можно!

– Да угомонись ты! – наконец выкрикнул хирург, которому, наверное, ужасно надоел Зойкин крик. – С кем не бывает! Наверное, нет на свете человека, который не вывихивал или даже не ломал палец на ноге. Идет босиком по комнате – шарах о стул! Или вот так же добрый человек навернет, как тебе Константин навернул.

– А откуда вы знаете, что его зовут Константин? – прохлюпала носом Зойка.

– Какой Константин? – удивился доктор.

– Ну, который меня по пальцу шарахнул. Откуда вы его знаете?

– Милая барышня, – вздохнул хирург. – Я просто так сказал, к примеру. Константин, не Константин, Александр, не Александр, Михаил, не Михаил... Какая разница? Самое главное, что тебе уже не больно. Верно ведь?

И Зойка в эту самую минуту ощутила, что ее нога, зажатая в веснушчатых лапищах, покрытых рыжими волосками, ничуть не болит. И палец больше не торчит как неродной. И он уже почти нормального размера. И похож на человеческий палец, а не на сардельку.

Ай да врач! Ай да хирург! Да у него, оказывается, золотые руки! И ничего, что с татуировкой BES!

– Спасибо! – заорала Зойка снова – на сей раз от избытка благодарности. – Грандиозное мерси!

Доктор не стал больше ее перекрикивать – наверное, у него силы кончились, – а только кивнул и буркнул:

– Если что случится – знаешь, где меня искать! – И пошел к крану – мыть свои замечательные руки, готовясь к приему следующего страдальца, которого он исцелит.

Исцелит, а не искалечит!

Зойка с мамой вернулись домой, ночью у нее ничего не болело, она вообще забыла, что такое больной палец; утром, как всегда, спала чуть не до десяти часов – надо же на полную катушку получить удовольствие от летних каникул, которые пару дней назад начались! – а потом, позавтракав, пошла относить книжки в школьную библиотеку.

Только из квартиры вышла, как поскользнулась, ноги разъехались – и Зойка плюхнулась на ту точку человеческого тела, которую называют пятой.

Наверное, она бы не так сильно ушиблась, если бы эта точка была у нее, к примеру, такая же пухлая, как у Толстой Насти из их класса. Но Зойка уродилась худой во всех местах своего тела. Поэтому ей стало так больно, что она испугалась: вдруг что-то в позвоночнике треснуло?!

Но все же надо как минимум подняться с пола... Стиснув зубы, Зойка сначала подтянула к себе ноги, потом перевернулась на колени, попыталась встать – и тут увидела то, на чем поскользнулась. И даже про боль забыла!

Это было что-то невероятно блестящее, как будто сплошь покрытое бриллиантами.

Медальон на цепочке! Тот самый, который Зойка видела на шее своего бесцветного соседа. Соседа, который так оскорбительно отреагировал на ее восхищение, а потом вышиб ей палец.

Медальон Кости Константинова!

Да он нанялся, что ли, калечить Зойку Семенову?! Вывихнутый палец, отбитая пятая точка...

Сначала Зойка подумала именно об этом. А потом – она со вчерашнего дня немножко подзарядилась оптимизмом у мамы и у рыжего хирурга – поразмыслила и решила, что ей, пожалуй, повезло. Могло быть и хуже. С Константинова вполне стало бы бросить около ее двери какую-нибудь пакость вроде банановой кожуры. А он всего-навсего потерял медальон необыкновенной красоты.

Компенсировал причиненную неприятность.

Замечательная компенсация, подумала Зойка. Интересно, эти камни настоящие? Блестят-то они даже лучше настоящих. Девчонки обзавидуются. А вдруг Костя Константинов пойдет в новом учебном году в Зойкину школу? Значит, рано или поздно или увидит у нее свой медальон, или кто-нибудь проболтается о нем.

Нет, ну неужели даже похвастаться такой красотой перед людьми нельзя?!

Зойка снова и снова рассматривала находку. Все бриллианты – ну, может, и не бриллианты, но ей нравилось это слово! – горели сплошным белым огнем, а посередине отливали красным, складываясь в какой-то странный узор. Буквы – не буквы, цифры – не цифры... Вроде 8, потом буква Е, потом какой-то крючок.

Нет, не поймешь ничего! Зойка снова и снова рассматривала медальон, вертела его так и этак. И вдруг он открылся – сам собой. Внутри что-то лежало, какая-то тщательно сложенная бумажка.

Интересно, что хранил в бывшем своем медальоне Костя Константинов? Записку от своей девчонки?

Зойку прямо-таки трясло от любопытства, пока она разворачивала бумажку. Вернее, две бумажки, которые были свернуты туго-натуго, как будто из них хотели сделать пульки для рогаток. Две бумажки – каждая размером в четвертушку тетрадной страницы.

Ну и зря трясло. Это оказалась полная ерундятина!

На первой бумажке был какой-то дурацкий рисунок. Такие получаются, когда два человека рисуют одну картинку, не зная, что изобразил каждый. Например, первый нарисовал птичью голову и прикрыл картинку, второй – собачье туловище, первый – человеческие бедра, второй – львиные лапы, первый – лошадиные копыта... Иногда получается здорово смешно.

Правда, рисунок, который носил в своем медальоне Константинов, был не смешной, а довольно противный. Кошачья голова с ужасно глупым выражением (у кошки были длиннющие ресницы и лихо закрученные усы) сидела на длинной человеческой шее. Прямо из шеи росли плоские, похожие на лягушиные ласты лапы. Бедра были широченные, как у Толстой Насти, но сужались к четырем кривым лошадиным ногам. А вместо копыт из них тянулись многочисленные тоненькие щупальца, будто бахромы у медузы, только гораздо длиннее. Пониже был нарисован череп со скрещенными костями.

Ага, ну просто смертельная красотища!

– Жуть, – пробормотала Зойка. – Значит, у тебя такая девчонка, Константинов? Крутяк... Скажи мне, кто твоя любовь, и я скажу тебе, кто ты!

Потом она развернула второй листок. И презрительно фыркнула...

Есть такая всем известная игра – в чепуху. Два человека пишут на одной бумажке в столбик разные слова, причем ни один из них не знает, что написано раньше, потому что бумажку сворачивают. Отвечают тупо на вопросы: кто или что, что делает, как, чем, каким образом, где. Да какие угодно могут быть вопросы! И ответы тоже. Например, ты пишешь – *дам*. А кто-то другой – *играет в теннис*. Ты – *пиная сапогом*. Кто-то – *кровать*. Ты – *весело*. И получается: *дам играет в теннис, пиная сапогом кровать весело*.

Почти всегда выходит смешно. Правда, недавно, когда на уроке французского закрепляли пройденный материал, вышло не сильно смешно! Мадам Жужу велела всем играть в чепуху по-французски. Один пишет подлежащее, другой – сказуемое, первый – обстоятельство, второй – дополнение... У Зойки и ее соседа по парте Валерки Черкизова получилось так:

Un lion
Reçoit 2 selon la langue française
Dans le nid de moineau
Avec ses amis.

Это значит:

Лев
Получает 2 по французскому языку
В гнезде воробья
Со своими друзьями.

Класс просто полег, когда Зойка и Валерка это вслух прочитали: ведь фамилия Мадам Жужу – Воробьева! Конечно, она ужасно разозлилась, заорала:

– Quelle betise! Какая глупость! – и отправилась жаловаться директорисе.

Но как-то все обошлось, никого не наказали. В конце концов, Мадам Жужу сама придумала игру. К тому же это был последний урок перед каникулами, и, наверное, директориса решила ни себе, ни людям жизнь не осложнять.

Ладно, про льва, получающего двойку в воробьином гнезде, – это глупость. Но на бумажках Кости Константинова обнаружилась совсем уж глупейшая глупость:

Волк
Ест
Руками
Шалаш
Икая
Ничто
Абракадабра
Яблоко
Радуется
Охая
Стул
Тряся
Искоса

Ну и чушь! Волк ест руками шалаш, икая! Правда что абракадабра!

Зойка даже головой покачала. Костя Константинов – это просто что-то... Даже не смог ничего путевого спрятать в свой роскошный медальон!

Зойка решила исправить эту вопиющую несправедливость судьбы. Для начала она выбросила все дурацкие константиновские бумажки в мусоропровод, а потом стала придумывать, что именно положит в медальон вместо них.

Вообще здорово было бы поместить туда фотку черноглазого Игоря Владимировича Кудымова, учителя физкультуры, в которого Зойка безумно влюблена. В него вообще все безумно влюблены: все девчонки, что из старших классов, что из средних, что малышня, и все учительницы, и даже, очень может быть, директориса школы!

Да, Игорь Владимирович по прозвищу Обожаемый Игорек – самая подходящая кандидатура. Бриллиантовый медальон сияет почти так же, как его глаза. Но ведь кто-нибудь из девчонок обязательно захочет посмотреть, что держит Зойка в такой красоте. Ох и ржачка будет, когда обнаружится портрет Обожаемого Игорька!..

Скажут: «Ишь ты, у Семеновой любовь-морковь! Одуреть можно!»

А она им ответит: «Значит, вы теперь дурами стали?»

Неплохо! Только надо это сказать с тем же выражением, с каким говорил Костя Константинов: серьезно и задумчиво.

И стоило Зойке об этом вспомнить, как ей вдруг стало как-то не по себе... Как-то тоскливо стало!

Почему? Она не успела понять: позвонила мама, напомнила, чтобы не забыла сдать книжки в школьную библиотеку, а то опять будут ей на работу звонить и жаловаться на Зойку, как на зимних каникулах; еще велела сходить в магазин (список что купить и деньги на холодильник), а потом сообщила, что Зойке обязательно придется съездить к бабушке и привезти от нее малосольных огурцов, потому что у нее самые вкусные огурцы в мире, на базаре и в магазине таких не купишь, да и не накупаешься там, на базаре-то и в магазине!

В общем, день прошел в суете, как будто и не каникулы у Зойки, как будто каждый день не создан для того, чтобы как следует отдыхать и наслаждаться жизнью! У нее не то что отдыха – даже передышки не было, о наслаждении и речи не шло, и, наверное, из-за этого настроение с

каждой минутой все больше портилось, так что к вечеру она была совсем никакая – плюхнулась перед компьютером, вышла в Интернет и начала плавать со ссылки на ссылку. Это ее всегда успокаивало, но почему-то сегодня не сработало.

Зойка сама не понимала, почему так охота поплакать. Еле сдержалась, когда мама пришла поцеловать ее на ночь. Ну еле-еле!

Только стала засыпать, как зазвонил мобильник. Сдуру Зойка нажала на кнопку ответа, даже не посмотрев, чей там номер определился. Ну и нарвалась, конечно!

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок
И укусит за бочок,
А потом придет медведь
И утащит ножки греть,
Ручки отгрызет лиса,
Зайка высосет глаза...

Юлечка в своем репертуаре! Зойке очень захотелось послать ее далеко-далеко, скажем на забор, но почему-то вдруг жалко стало подружку, которая, похоже, совсем одурела, а потому она терпеливо выслушала и жуткую колыбельную, и загробное завывание:

– До-о-оброй но-о-о-очи!

Вежливо ответила:

– Тебе того же.

И выключила телефон.

Вечно Юлька со своими абсолютно нестрашными страшилками! На самом деле, есть одна старая сказка, которая Зойку пугает до онемения и охлаждения конечностей... Если бы Юлечка о Зойкиных страхах знала, она бы каждый вечер донимала подружку именно этой сказкой. Но Зойка не так глупа, чтобы проболтаться. Главное, не думать о страшном! И почаще напоминать себе, что бояться стыдно.

Ну вот, стоило только об этой сказке подумать, как кто-то начал щекотать между лопатками прохладной мягкой лапой. Зойка повернулась на спину, чтобы лапа до нее не достала, согрелась и, шепча, как молитву на сон грядущий: «Бояться стыдно!», наконец-то уснула.

Сначала Зойке снилось, будто ей кто-то нужный и важный звонит, а у нее телефон выключен, звонка она не слышит, – и от этого все тоскливей и тоскливей становилось на душе.

Потом сон изменился. Зойка была в темной комнате и на ощупь искала выключатель. Кое-как нашарила на стене кнопку, нажала – но свет не загорелся, зато кнопка вдруг стала краснеть, словно наливалась кровью.

Зойка посмотрела – да ведь это была ее кровь! Она видела, как кровь переливается в кнопку и растекается по стене!

«Что за глупости! – сердито подумала Зойка. – Выключатель-вампир! Так не бывает! Глупости!»

Она проснулась, еще шевеля губами, словно говорила это вслух.

Поворочалась, поудивлялась, что это за ерунда в голову лезет, и снова заснула.

И снова ей снилась темная комната, и снова Зойка искала выключатель, наконец нашла, нажала на кнопку... и почувствовала, что из кнопки лезут какие-то отростки! Лезут, подползают к Зойке, вцепляются в нее, вырастают в ее руки, в ее тело, пробираются по внутренностям, подкатывают к горлу...

«Меня сейчас вырвет, кажется! – подумала с отвращением Зойка. – Прямо в постель! Фу!»

И проснулась от того, что громко сказала: «Фу!»

Ладно, еще терпимо, когда страшные сны снятся, – но чтобы такие омерзительные... Да еще тоска не отступает – как вечером пристала, так и донимает.

С чего, ну с чего?!

Поворочавшись, Зойка устроилась подобней и только начала засыпать, как подскочила от шума и лязганья, которое доносилось из-под окна. Вообще такие звуки обыкновенно раздаются в шесть-семь утра, когда приезжает мусорка и начинает контейнер мусоропровода менять.

Но за окном стояла глухая ночь.

«Наверное, бомжи в ящике шарят», – подумала Зойка и вдруг, сама не зная почему, вспомнила, как выкинула в мусоропровод бумажки, которые нашла в медальоне Кости Константинова.

Только тут до нее дошло, откуда эти кошмары и с чего вдруг тоска ее донимает.

Это не простая тоска – это совесть! Ее совесть мучает, вот что.

Зойке стало жутко стыдно, ну просто до слез, что она подобрала чужую вещь, да еще такую дорогую и красивую, как этот сверкающий медальон, и присвоила ее без малейшего сомнения. То есть ей даже в голову не стукнуло, что надо медальон вернуть! А может, для Кости это вещь особенно дорогая. Может, это память об умершей маме!

Правда, в медальон всякая чухня вложена, но, может, это только для Зойки чухня, а для Кости – совсем наоборот. Может, это шуточные записки и рисунки его мамы. И тоже память о ней!

Ночь шла и шла своим путем, но Зойка спать не могла. Она плакала и совсем обессиленно от слез, а совесть грызла так, что Зойка начала сомневаться, останется ли от нее к утру хоть что-то недогрызенное.

Уже вовсю светало, когда она наконец смогла заснуть. И тут опять навалились сны, да какие! Лучше бы таких вовек не видеть!

Приснилось, что она роется в мусорном контейнере, пытается найти Костины бумажки, а мусор от нее разбегается в разные стороны, чавкая и причмокивая.

Бредятина. Брр, гадость!

Потом в руках у Зойки оказалась метла, и она попыталась смести мусор в кучку, но он начал разбегаться еще быстрее. И вдруг среди этого мусора оказалась мама и уставилась на Зойку так, словно видела ее впервые. И Зойка таранилась на нее, потому что такой свою маму она и в самом деле никогда не видела.

Мама была в одной ночной рубашке, босая, но почему-то в рыжих меховых перчатках. Вроде бы из лисьего меха... Руки она держала поджатыми к груди – так делают дети, когда на праздничных утренниках изображают зайчиков и лисичек.

И вдруг до Зойки дошло, что руки она так держит не потому, что изображает лису, а потому, что иначе держать их не может – ведь это не руки, а лисьи лапы! Мамино лицо постепенно заострялось и становилось все более лисьим, звериным, злобным, чужим. А ноги у нее заканчивались коровьими копытами...

Зойка заорала как ненормальная – и проснулась.

Облегчение от того, что это оказался всего лишь сон, было таким огромным, что она несколько минут лежала неподвижно и умирала сердце, которое колотилось как ненормальное.

«Юлечка, ну Юлечка, – подумала Зойка с ненавистью, – да чтоб я еще хоть раз ответила на твой звонок! Надо утром посмотреть, есть ли в мобильнике такая опция – «запретный звонок». И если есть, легко догадаться, чей звонок будет самым запретным!»

Зойка попыталась расслабиться, злясь на себя за то, что ее так трясет из-за какого-то дурацкого сна.

«Бояться стыдно! – сурово сказала она себе. – Нельзя страхам поддаваться! А то станешь как Валентина Ивановна!»

Валентина Ивановна – это соседка с первого этажа. У нее всегда такой вид, словно ее только что навестил какой-нибудь бродячий мертвец и провыл что-то вроде: «Отдай мое сердце!» Валентина Ивановна вздрагивает от всякого шума, при встрече хватается за сердце: «Ох, как вы меня напугали!» И ей вечно невесть что мерещится: то какой-то там подвальник к ней в пол из подвала стучит, то какие-то привидения белые по квартире бегают, то кто-то рычит в стене...

Однажды она выскочила на площадку с ужасным криком:

– Полтегес! Полтегес!

Зойка с мамой как раз мимо шли и сразу поняли, что имелся в виду полтергейст. Ну, они, конечно, усмехнулись: опять у Валентины Ивановны что-то не так! – но тут она их прямо за руки схватила и потащила к себе на кухню.

– Смотрите, – кричит, – вот он, полтегес!

И они увидели, что по кухне прыгают кусочки какие-то стеклянные... Сами собой! Туда-сюда, туда-сюда... одни выше подскакивают, другие ниже. И об пол – стук-стук, стук-стук!

– Прыгают? – закричала Валентина Ивановна.

– Прыгают... – прошептала мама и тоже схватила Зойку за руку.

Испугалась!

А Зойка не испугалась. Потому что не могут кусочки стекла сами собой прыгать! Такого не бывает! И полтергейстов не бывает!

– Сидела я в комнате, телевизор смотрела, – дрожащим голосом рассказывала Валентина Ивановна. – Вдруг слышу – на кухне грохот. Прибегаю – а кусочки прыгают! И крышка от сковородки не пойми где! Унесли!

Зойка огляделась. На плите исходила паром открытая сковородка. Пахло тушеным мясом. Очень вкусно, между прочим, пахло, и Зойка невольно проглотила слюнки, потому что есть захотелось. И тут она увидела на полу какую-то странную круглую штуку. Металлический ободок.

И сразу все стало ясно!

– Крышку паром сбросило, – сказала Зойка спокойно. – Вон ободок валяется, видите? А под столом – ручка от крышки. Сама крышка разбилась на кусочки. Кусочки были раскаленные, сейчас они остывают, и эта энергия заставляет их двигаться. Остынут – и успокоятся. Это просто физика!

Мама облегченно засмеялась:

– Умница ты моя!

А Валентина Ивановна сказала:

– Тебе в ученые надо. В эти, которые все объясняют. Приходили ко мне такие... В пол к вам из подвала не подвальник стучит, а бомжи развлекаются, и не привидения это, а машины мимо проезжают, ну, свет фар и пробегает по стенкам, и не рычит кто-то у вас в стене, а просто в канализации воздушные пробки с водой сталкиваются... Все у них просто: физика и химия! Вот и тебе к ним надо!

Зойке показалось, что Валентина Ивановна на нее обиделась. Наверное, ей было жалко, что на кухне не «полтегес». Может, ей просто нравилось бояться – так же, как Юлечке Комаровой?

Можно спорить, что Юлечка, когда постареет, станет похожей на Валентину Ивановну. Таким людям никакая наука, никакой технический прогресс не помешают страхи себе выдумывать. Юлечке, например, будет казаться, что из компьютера вирусы выскакивают и по комнатам бегают. С нее станется!

Зойка представила, как за Юлечкой гоняется какой-нибудь троян или многовекторный червь, и засмеялась.

И в это время кто-то громко закричал во дворе. Кажется, там здорово скандалили.

Зойка вскочила с постели, направилась было к окну – посмотреть, что вообще происходит, но тут в ее комнату вошла мама – самая обыкновенная, как всегда, в шортах и майке (каждое утро она бегала в парке Кулибина), нормальная мама без этих ужасных лисьих перчаток, в кроссовках, без коровьих копыт, с которыми приснилась Зойке, и сказала:

– У нас не дом, а театр абсурда! В нашем подъезде исчез мусорный контейнер. Дворник еле-еле нашел бак за гаражами. Причем совершенно чистый, словно его вымыл или вылизал кто-то. Ты представляешь?!

И, выразительно закатив глаза, мама ушла в ванную.

Сон мигом сдулся, как воздушный шарик, и вылетел из головы.

Вспоминать его Зойка не старалась. А кто бы старался на ее месте?!

К тому же ей нужно было кое-что немедленно сделать. Совесть добилась-таки своего!

Зойка деловито глянула на часы, хотя и так знала, что сейчас половина восьмого. Мама всегда именно в это время возвращалась с пробежки, потом долго стояла под душем, потом начинала ужасно спешить, чтобы не опоздать на работу, но все равно опаздывала.

Так, минут тридцать ей точно будет не до дочки, можно многое успеть!

Зойка мигом оделась, сунула ноги в тапки, залетела в туалет, потом плеснула в лицо водой на кухне, в прихожей провела щеткой по волосам и выскочила на площадку. Занесла руку над звонком квартиры напротив, потом спохватилась, что самое главное-то позабыла, вернулась, выхватила из-под подушки медальон, который ну буквально жег ей руки и на который она уже просто смотреть без стыда не могла, сунула его в карман и, снова подскочив к квартире Константиновых, позвонила.

Конечно, это невежливо – еще восьми нет, а она рвется к посторонним людям. Но если вас всю ночь мучила совесть – тут, знаете, не до вежливости.

Не до политесов, как говорит бабушка, бросая трубку, когда ей звонит ее подруга детства, которая может говорить без передышки несколько часов, а может, даже и суток, вовсе не ожидая ответа от того, с кем говорит!

Зойка аж подпрыгивала от нетерпения – так ей хотелось поскорей отдать Константинову медальон. Она решила соврать, что нашла его во дворе, а про бумажки, которые лежали внутри, упоминать даже не будет. Если Костя спросит, где бумажки, Зойка сделает огромные глаза: мол, знать ничего не знаю, ведать не ведаю, все так и было!

Двери не открывали очень долго.

«Вот же спят Константиновы! – начала злиться Зойка. – Вот же дрыхнут! Такую драгоценность потеряли – и в ус не дуют! А я мучайся! Сейчас мама хватится меня и прицепится, что я тут делаю, а пока ей все объяснишь, спятив же можно!»

Она уже смирилась с мыслью, что придется уйти ни с чем, когда за дверью раздались неуверенные шаркающие шаги, а потом слабый старушечий голос спросил:

– Кто там?

– Ой, извините, – чрезвычайно вежливо проговорила Зойка, – извините, что так рано вас беспокою, мне бы Костю на минуточку.

– Кого? – переспросила старуха. – Какую кость?

«Глухая тетеря!» – мысленно усмехнулась Зойка.

– Да не кость! Костю мне надо! Константина Константинова!

Щелк-щелк, замок открылся, на пороге показалась старушенция – на вид лет сто или около того, вся седая, сгорбленная, будто крючок, в каком-то ужасном халате, в каких ходят только старухи, да поверх халата она еще и меховую жилетку напялила.

В такую жару – меховую жилетку! Наверное, ей и в самом деле сто лет, если уже и кровь не греет.

– Не возьму я в толк, кого ты ищешь, дитячко, – прошамкала она, глядя на Зойку утонувшими в морщинах тусклыми глазками и делая к ней неуверенный шаг.

От старухи пахло как-то странно – вроде бы мокрой известкой.

Может, она кухню с утра пораньше белила?

А почему бы и нет – не спится, вот и белила.

Куда более странно было другое. Мама говорила, здесь только двое живут, отец и сын, а еще старуха какая-то оказалась. «Хотя, наверное, это их старуха, – подумала Зойка. – Бабка Костина в гости пришла и осталась ночевать. Или даже прабабка. А может, и вовсе прапрапра...»

– Я ищу Костю Константинова, – повторила Зойка, но в это время высокий лысый дядька в ужасных, обвисших, линялых трениках выглянул в коридор из-за старухиной спины и буркнул:

– Мамаша, зачем вы кому попало двери открываете? А ты, подруга, мотай отсюда, чего приперлась со всякой ерундой ни свет ни заря, нету тут никаких Константиновых, тут Страховы живут давным-давно.

– Как нету Константиновых? – изумленно переспросила Зойка. – Как Страховы?

– Как-то так, через пятак, – ехидно ответил лысый, потом зевнул во весь рот, показав сплошь железные зубы, протянул руку, втащил старушонку в квартиру и захлопнул дверь перед Зойкиным носом.

Она немножко постояла на площадке, разглядывая дверь.

Это была та самая дверь, откуда выходил Костя.

Что за ерунда?!

Объяснение ерунде могло быть одно. Дядька просто пошутил, на самом деле он родственник Константиновых. И тоже ночует у них.

Хотя... на шутника он не похож. А старуха – еще меньше. В ее возрасте, наверное, вообще не до шуток.

Нет, есть еще одно объяснение! Константиновы уже продали квартиру. Чем-то она им не понравилась, вот они и съехали. Эти Страховы туда мигом вселились и всем врут, что живут тут давным-давно.

Зойка вернулась к себе. Тут как раз вышла из ванной мама. Подняла изумленно брови, увидев, что Зойка одета и даже как бы причесана, сказала:

– Не забудь принять душ. Куда это ты вырядилась ни свет ни заря?! – и пошла было на кухню, но Зойка спросила вслед:

– Мам, а что, Константиновы уже переехали из квартиры напротив?

– Константиновы? – отозвалась мама. – А кто такие Константиновы? По-моему, квартира напротив так и стоит пустая, ее еще никто не купил. Садись завтракать. Бутерброды на столе. Чай горячий пока.

И заверещал блендер.

Зойка вошла в кухню и внимательно посмотрела на маму. Нет, она не улыбалась, не посмеивалась, она не шутила. Она сосредоточенно смешивала в блендере утренний витаминный коктейль: огурец, киви, петрушка. Получается зеленая каша, называется смузи. Мама уверяет, что в каждое утро поедании смузи – секрет ее неземной красоты.

Зойка один раз попробовала и решила, что лучше быть некрасивой, чем *это* есть. Она и с бутербродиков с сыром как-нибудь не изуродуется!

Впрочем, сейчас ей было не до маминых смузи и не до своих бутербродиков.

– Ма, ты несколько дней назад говорила, что квартиру напротив купили Константиновы, – настойчиво сказала Зойка. – Интеллигентные вроде, сказала ты. Отец и сын. Их только

двое, мама их умерла. Этого мальчишку Костя зовут, он мне мизинец на ноге выбил! Мы еще в травмпункт на Нартова ездили!

– Зойка, ну что ты ерундишь с утра пораньше?! – воскликнула мама раздраженно. – С чего бы нам на Нартова ехать, в такую даль, когда в нашем районе своей травмпункт есть?!

И вдруг мама насторожилась:

– Какой травмпункт? Какой палец?! Хм... палец... а ну, разуйся!

Зойка мигом сбросила левую тапку и подняла ногу, чтобы маме лучше было видно многотрадальный палец.

– Ну конечно, мизинец немного подпух, – задумчиво сказала мама, – но ничего клинического я не нахожу. Поводов топтать к травмпункт – тем более. Ты же ходить можешь? Ну и отлично. Сегодня никаких особых дел для тебя нет, развлекайся как можешь, только перед компом целый день не сиди, договорились? Ой, я опаздываю, мне самое позднее через минуту выходить!

И мама выбежала из кухни, а минут через десять из прихожей донеслось прощальное:

– Посуду помой! Целую крепко, ваша репка! – И стук захлопнувшейся двери.

Мама наконец-то умчалась на работу.

Все это время Зойка сидела за кухонным столом в состоянии полного ступора. И состояние ее было вполне объяснимым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.